

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАНИФЕСТА ОТ 24 МАРТА 1766 г.)*

Аннотация. Статья посвящена проблеме выбора языковых единиц для выражения экспрессии в тексте манифеста. Деловая письменность в XVIII в. подвергается преобразованию, сближается с разговорным языком, однако в определенных случаях употребляются архаические конструкции и формы в целях особого воздействия на слушателя и читателя. Это может сочетаться в некоторых документах с активным использованием образно-выразительных средств, служащих той же цели.

Ключевые слова: история языка, деловая письменность, экспрессия, риторические фигуры, образно-выразительные средства.

Исследователи, обращающиеся к изучению делового стиля, отмечают ряд его отличительных черт, основными среди которых являются такие, как точность и детальность изложения, стандартизованность, императивность (долженствующе-предписывающий характер изложения). Очевидно, что эти качества выработывались не одно столетие, и первые тексты делового содержания, отмечаемые вскоре после возникновения письменности на Руси (договоры русских купцов с греческими X в. и несколько позднее «Русская Правда»), отражают эти характеристики в стадии формирования. В подобных текстах уже употребляются различные термины (*миръ, вервь, челядинъ, послухъ, вира* и др.), а в синтаксисе наблюдается преобладание сочинительной связи над подчинительной (*А послушьства на холопа не складають, но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инехъ не складывати.*).

Различные указы, грамоты и другие документы постепенно разграничивались, обретали индивидуальные свойства; и в XVIII в. мы можем видеть качественный переход делового языка, когда количество различного рода бумаг и значение, приобретаемое ими, потребовали особого внимания со стороны власти, вследствие чего стали создаваться государственные комиссии по собиранию законов, их упорядочиванию и изучению. По свидетельству М.М. Сперанского, эти комис-

сии, «бывъ одна послѣ другой учреждаемы, чрезъ 126 лѣтъ, до 1826 года, почти непрерывно продолжались» [7, с. 11]. Первой была создана Палата об Уложении в 1700 г., затем на смену ей пришли новые комиссии в 1714, 1720, 1728, 1730, 1754, 1760, 1767, 1797 и 1804 гг. Целью их было «1) собраніе законов, 2) своды, 3) составленіе новаго Уложениа» [там же, с. 42]. Вследствие их деятельности бóльший порядок проникает как в форму построения, так и в содержание документов. Быть может, из-за наличия событий и ситуаций, которые сложно стало затрагивать нормированным текстом (или даже стремящимся к нормированности) в это время старые формы документов заменяются новыми (так, вместо челобитных вводятся прошения) и возникают особые жанры, среди которых можно отметить манифесты, служащие проводником и средством выражения воли высшей власти. Они издавались в отношении особо значимых событий и должны были воздействовать на все население страны, являясь руководством к действию либо формируя определенный, нужный правительству, взгляд на конкретное событие. Для достижения этой цели необходимо было не приказывать манифестом, а разъяснять и убеждать в целесообразности и истинности предпринимаемых мер. Так, в манифесте «О вызовѣ иностранцовъ въ Россію, съ обѣщаніемъ имъ свободы въроисповѣданія» от 16 апреля 1702 г.: «...Мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить Государство отъ внѣшняго нападенія и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цѣли Мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя перемѣны, дабы Наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться <...> Чего ради Мы <...> распоряженія и учрежденія Всемиловитѣйше учинили [4, с. 192]. А так как события бывали совершенно разными (объявление войны или мира, осуществление переписи населения, учреждение организаций, установление торговых отношений с другими странами, смерть или рождение членов императорской семьи и др.), то в манифестах наблюдается строгий отбор как экстралингвистических, так и языковых средств, оптимальных для достижения

* © Чистяков А.В.

цели. Иными словами, манифест, который к тому же должен был читаться всенародно и потому представлял своеобразным диалогом, должен был выстраиваться в соответствии с тремя основными риторическими категориями – логосом, этосом и пафосом.

В данном аспекте показателен манифест от 24 марта 1766 г. «О примерномъ наказаніи за убійство матери и сестры преступниковъ Жуковыхъ». Дело Жуковых началось еще в 1754 г. при императрице Елизавете. Сын пензенского воеводы с женой убил свою мать и сестру и подговорил прислугу принести сундук, в котором, как потом оказалось, было всего 563 руб. 20 коп. Смертная казнь была отменена, а «подвергнуть Жуковых наказанию наравне с обыкновенными убийцами представлялось нарушением правды» [6, с. 8], потому что «столь страшное злодѣйство... не токмо в Христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное» [3, с. 615]. 12 лет они провели в колодах, и лишь тогда Екатерина обратилась за помощью к Димитрию, митрополиту новгородскому, Иннокентию, епископу псковскому и Гавриилу, епископу тверскому, которые ответили, что «хотя по древнѣйшему церкви Православной обычаю Монархи Христіанскіе <...> сохраняли правосудіе в народахъ по законамъ отъ нихъ же установленнымъ, и казнь таковымъ злодѣямъ состояла въ волѣ и власти ихъ, но по истинному Христіанству прежде всего пеклись они о соблюденіи душъ погибающихъ отъ вѣчной муки, потому что церковь Божія <...> ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и прямого покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ» [3, с. 616]. Вследствие этого и был издан манифест, согласно которому Жуковы приговаривались к 20 годам заточения в монастыре, но перед этим должны были пройти через всенародное церковное покаяние. Обличение убийц и порядок проведения обряда содержатся в этом весьма ярком и экспрессивном документе. Здесь этос, представленный в виде этических установок императрицы, осуждающей преступления, с помощью языковых средств (логоса) доносится до слушателей в определенной форме (пафос).

Композиционно манифест делится на 3 части.

Это предыстория событий и общее указание, как надлежит поступить с преступниками. Эта часть мало чем отличается от прочих текстов. Здесь наряду с русскими лексемами встречается некоторое количество старосла-

вянизмов как показателей высокого стиля (*продолженіе ихъ жизни и лишеніе живота*), союзы *яко, токмо*. Однако таких элементов здесь немного, и они употребляются вместе с терминами, характерными для делового языка: *Лейб-Гвардія, каптенармусъ, Сенатъ*. И даже оценочных слов немного (*страшное злодѣйство, ужасное сіе преступленіе, окаянное дѣло*).

Вторая часть представляет собой описание обряда с текстом специально сочиненной молитвы, которую должны читать Жуковы. Обряд аналогичен первой части; многие слова приобретают конкретное значение, обозначают определенные понятия (*публичное покаяніе, посконныя свиты, амвонъ, литургія, проповѣдникъ*), употребляются формулы делового языка (*по приведеніи, нарядить особливаго Судью, отправлено имѣетъ быть*), активно употребляются императивы (*исправлять оное покаяніе четверократно, повѣстить за сутки во всемъ городѣ, исполненіе <...> опредѣляется произвести по самой точности*). Прилагаемая молитва, что вполне понятно, написана языком, приближающимся к церковнославянскому. Кроме союзов и частиц (*еже, яко, убо*), в этой части наблюдаются особенности в области морфологии. Неоднократно употреблены полные действительные причастия настоящего времени (*испытуй, хотай, ожидай*), инфинитив глагола имеет окончание –ти (*прибѣгати, услышати, славити*), особые окончания имеют падежные окончания имен существительных (*призывати Твое Ангелы воспѣваемое имя, возвести очесъ нашихъ*), личное местоимение предстает в энклитической форме (*преклоняйся ко гласу вопіющихъ ти*), написание *олтарь* и ряд других особенностей.

Заключительная часть представляет собой подготовленную проповедь о преступниках. Именно последняя, самая объемная часть обращает на себя особое внимание обилием старославянских, несвойственных для языка этого времени, который представлял собой «сплав искусственных элементов канцелярского стиля и фактов, отражающих живую речь того времени» [1, с. 22], в том числе и письменного, а также слов сложных и образованных префиксальным способом (*злословить, челоуцькоубійца, злодерзскій, неизглаголанный, въздыханіе, предвосхищаетъ*).

Экспрессивный текст характеризуется «многообразием и образностью лексических и синтаксических средств» [2, с. 31]. Это различные тропы и фигуры: метафоры, сравнения, эпитеты, риторические фигуры и др.

Кроме того, средством внесения оценки может быть и отбор лексики, присущей определенному стилю или типу языка.

Учитывая все обстоятельства дела Жуковых и общественный резонанс, вызванный им, а также способ наказания, понятна общая направленность Слова к христианской морали, в связи с чем оно насыщено цитатами из Писания, библеизмами и архаичными формами.

Среди лексических особенностей можно отметить выбор слов с неполногласием (*кто даст главъ нашей воду, ваши слезы огнь моя ярости погашаютъ, драгий, сладчайший гласъ нашего Спасителя во уши ваши вопіетъ*), выбор церковнославянской лексики (*очи, десница, глаголати, отверзати*). Показательно их употребление: в цитатах из Евангелия *очи* изменяются в двойственном числе (*отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима*), в то время как в речи – в соответствии с русским склонением (*Церковь Божія видитъ теперь предъ очами своими*). Подобное наблюдается и с палатализацией заднеязычных (*аще будутъ гръси ваши*), и с причастиями на -яй (*проливая кровь челоуьку*), что указывает на невозможность их употребления в разговорной речи.

Из служебных слов можно отметить союзы *акибы, яко, аще*, частицу *убо*, также нехарактерные для обиходного языка XVIII в. Они привносят в орнамент делового текста окраску торжественности.

Реминисценция *Церковь есть священное духовныхъ овецъ стадо: но се ея козлица* относит слушателя к тексту Евангелия: «и соберутся пред Ним все языцы; и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлиц; и поставит овцы одесную Себе, а козлица ошуюю» (Мф. 25: 32-33). Причем употребляется она и в другом варианте: *святость в различеніи овцы от козлица*. Встречаются и другие ссылки к Писанию: *церковь есть тихое спасенія пристанище: но се ея буря и волны; Онъ себя уподобляетъ доброму пастырю погибшей и на горахъ заблуждающей овцы ищущему*, многочисленны упоминания библейских персонажей: Давида, Мытаря, Петра, Савла, разбойника.

По отношению к преступникам используются эпитеты, несущие сильную степень проявления негативного отношения: *гръшная душа, бользненная душа, падшие, злосчастные убійцы, бѣдствующія души*.

Имеет место и сравнение: *не вѣроятнo казалось быть такой ехиднѣ, которая бѣ утробу своя матери разтерзала*. Они – лю-

тая для Церкви язва, гръшники и чудовища, которые едва слыханною дерзостію возстали <...> против самага естества. Внутреннее совѣсти чувствіе погасили. Попрали кровь Новаго Завета, обезчестили Евангеліе, оскорбили духа Божія, отъ тѣла Церкви Христовой самовольно себя оторвали.

Неоднократно встречаются метафоры: *Церковь есть священное духовныхъ овецъ стадо: но се ея козлица, Онъ себя уподобляетъ доброму пастырю погибшей и на горахъ заблуждающей овцы ищущему*. Столь выразительные средства лишь очередной раз показывают слушателям, сколь велико преступление Жуковых.

Использование антитезы может быть проиллюстрировано следующим примером: *Церковь есть тихое спасенія пристанище: но се ея буря и волны*. Так разграничиваются христианская мораль и преступления.

Интересно употребление слова «прободать» в двух различных значениях. *Матернее ея [церкви] сердце прободается и посмотрите сквозь прободенное копіемъ ребро*. В первом случае оно употреблено в переносном значении «страдать», во втором – в прямом, употреблявшемся в памятниках намного чаще и имеющем значение «прокалывать, пронзать» [8, с. 1509].

Часто встречающиеся риторические вопросы (*Но что мы можем сказать о отцеубійствѣ? Какую заслуживает оно казнь? Не се ли древнихъ твоихъ и Святыхъ установеній исполненіе?*) и риторические обращения (*известно вамъ, православные Христіане; сія благодѣтельная Божія десница касается и васъ, злосчастные убійцы*) создают видимость живого разговора, слушатели таким образом вовлекаются в обличение и встают на сторону говорящего, поддерживая его восклицательные реплики, обозначаемые в печатном документе многочисленными восклицательными знаками: *О страшнаго злодѣянія! О звѣрскаго терзанія! Известно вамъ, православные Христіане! О коль страшно есть впасть въ руки Бога жива!*

Заканчивается манифест предостережениями, чтобы «техъ, которые благополучно плывутъ, предохранить», и восхвалением императрицы Екатерины, которая «о спасеніи души преступника къ Церквѣ прибѣгаетъ».

Таким образом, перед нами яркий пример государственной деловой словесности, совмещающий в себе множество различных лингвистических средств для достижения цели – поддержания веры в правоту и истинность действий императорской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Копосов Л.Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности: Учебное пособие к спецкурсу. – М., 1991. – 83 с.
2. Лустра Л.Х. Основные принципы исследования экспрессивного текста // Средства выражения экспрессивности текста: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону, 1982. – С. 25-35.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. – СПб., 1830.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. IV. – СПб., 1830.
5. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л., 1984–1991. – Вып. 1–6; СПб., 1992.
6. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 14. Т. 27-28: История России с древнейших времен: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994. – 638 с.
7. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов: Сост. из актов, хранящихся во 2 Отд-нии Собств. е. и. в. канцелярии. – СПб., 1837. – 197 с.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. – М., 2003. – 1803 с.

A. Chistyakov

THE LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION IN OFFICIAL DOCUMENT STYLE (ON THE EXAMPLE OF THE MANIFEST OF 24 MARCH 1766)

Abstract. This article is devoted to the choice of language units in the capacity of expressive components in the text of manifest. Russian business script of XVIII century had been reorganized and moved closer to the spoken language but in some cases it used the archaic structures and forms for special effects on the listener and the reader. This can be combined in some documents with the active use of figurative and expressive means which serves the same purpose.

Key words: history of language, business writing, expression, rhetorical figures, figurative and expressive means.

УДК 81'373

Шаповаленко Ю.В.

ФИЛОСОФСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМ С СЕМАНТИКОЙ 'СМЕРТЬ' КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ Л.Н. ТОЛСТОГО*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению единиц предикатной лексики (имён прилагательных и глаголов) с семантикой 'смерть', которые использует Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» при создании образа князя Николая Андреевича Болконского. Особое внимание обращено на философское наполнение лексем, которые выявляют характерные черты образа старого князя, демонстрируя особенности идиостиля и взгляды писателя на многие актуальные вопросы бытия.

Ключевые слова: философская семантика, предикатная лексика, художественный образ, идиостиль Л.Н. Толстого.

Образ Николая Андреевича Болконского является одним из ключевых в романе-эпопее. С художественной точки зрения, даже смерть этого героя важна для раскрытия замысла автора. Во-первых, Л. Н. Толстой дорисовывает для читателя этот тип русского дворянства, во-вторых, создаёт новый сюжетный виток, связанный с судьбой княжны Марьи, в-третьих, поднимает вечные философские

вопросы, над решением которых задумываются люди, и это инициирует философскую мысль романа. Как актуальный выдвигается принцип антропоцентризма изображения, который связан с реалистической традицией русской классической литературы, основан на внимании к персонажу и образу автора, его личности как творца текста.

Исследование лексем предикатной лексики поможет выявить философское наполнение отдельных языковых единиц, а через них позицию, философские взгляды Л.Н. Толстого и особенности его идиостиля.

Лексеммы и фразеологизмы, представляющие в языковой картине мира концепт СМЕРТЬ, уже описывались лингвистами (См. Павлович Н.В., 1995; Тарасенко В.В., 2008; Чернейко Л.О., 2001; Шестак Л.А., 2003) как представляющие самостоятельный интерес для исследования, так и в сопоставлении с реализаторами антонимической парадигмы 'жизнь', оформляющими другие пласты амбивалентного концепта ЖИЗНЬ. «Языковые единицы с семантикой 'смерть' имеют особое значение в русской концептуальной картине мира, так как смерть предстает в сознании

* © Шаповаленко Ю.В.